

УДК 342.7

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО КАК ГЕТЕРОТОПИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА (К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И. И. ГОРЕЛИКА)

Е. В. ХАРИТОНОВА¹⁾

¹⁾Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого,
ул. Пушкинская, 77, 61024, г. Харьков, Украина

Осуществляется попытка осмыслить философское понятие «гетеротопия» в области уголовного права, наполнив его содержанием через использование концепта человеческого достоинства. Представляя человеческое достоинство как особое движущееся пространство формирования новых смыслов, определяющих сущностные черты уголовного права, автор предлагает анализ теоретических рефлексий и практических подходов в этой сфере, выделяя основные плоскости, в которых, по ее мнению, осуществляется наиболее рельефное их воплощение. Проводя обзор судебной практики с использованием концепта «человеческое достоинство» в различных юрисдикциях (как национальных, так и международных), автор подчеркивает важность универсального и контекстуального понимания человеческого достоинства, его эластичность и способность влиять на развитие современного дискурса о правах человека. Укорененность в понятии «человеческое достоинство» идей о личной автономии, запрет инструментализации и объективации человека, важность субъектного статуса индивида и развитие общей человечности представляются основными локусами, в которых современное уголовное право черпает ценностные смыслы.

Ключевые слова: человеческое достоинство; гетеротопия; уголовное право.

HUMAN DIGNITY AS HETEROTOPIA OF CRIMINAL LAW (ON THE 100th ANNIVERSARY OF BIRTH OF PROFESSOR I. I. GORELIK)

O. V. KHARYTONOVA^a

^aYaroslav Mudryi National Law University,
77 Pushkinskaya Street, Kharkiv 61024, Ukraine

This article is an attempt to comprehend the philosophical concept of heterotopia in the criminal law, filling it with content through the use of the concept of human dignity. Presenting human dignity as a special moving space for the formation of new meanings, determining the essential features of criminal law, the author offers an analysis of theoretical reflections and practical approaches in this area, highlighting the main planes in which their most prominent embodiment is carried out. While reviewing jurisprudence using the concept of human dignity in various jurisdictions, both national and international, the researcher emphasises the importance of both universal and contextual understanding of human dignity, its flexibility and ability to influence the development of current discourse on human rights. The rootedness of ideas about personal autonomy in human dignity, the prohibition of instrumentalisation and objectification of a person, the importance of the subjective status of the individual and the development of general humanity seem to be the main areas in which modern criminal law draws value meanings.

Keywords: human dignity; heterotopia; criminal law.

Образец цитирования:

Харитоновна ЕВ. Человеческое достоинство как гетеротопия уголовного права (к 100-летию профессора И. И. Горелика). Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;2:38–46.

For citation:

Kharytonova OV. Human dignity as heterotopia of criminal law (on the 100th anniversary of birth of professor I. I. Gorelik). Journal of the Belarusian State University. Law. 2021;2:38–46. Russian.

Автор:

Елена Владимировна Харитоновна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права № 1.

Author:

Olena V. Kharytonova, PhD (law), docent; associate professor at the criminal law department No. 1.
o.v.harytonova@nlu.edu.ua

Введение

Откликнувшись на приглашение белорусских коллег написать статью для номера журнала, посвященного 100-летию видного представителя науки уголовного права Республики Беларусь, профессора И. И. Горелика, автор перечитывала его научные труды. В них обращал на себя внимание тот факт, что еще в начале 1970-х гг., развивая учение о правовых аспектах трансплантации, Иосиф Исаакович акцентировал внимание на том, что человеческое достоинство является основой элементарной человечности, и нарушение телесной целостности – это не просто атака на физическое тело, а попрание человеческого достоинства, поскольку обеспечение телесной целостности является элементарной гарантией обществом человеку его сущности [1, с. 38]. В данном смысле попытка связать в пространстве уголовного права индивида и общество с помощью ценности человеческого достоинства представляется достаточно мощным стимулом для обсуждения, переосмысления и трансформации национальной системы уголовной юстиции Республики Беларусь в соответствии с общечеловеческими правовыми ценностями. А магистральным каналом, через который этот дискурс может входить в общественное пространство, вполне может быть поле уголовно-правовой науки, ведь имеющееся наследие в сфере уголовно-правовой доктрины, его новые интерпретации и трактовки, баланс между ценностями преемственности и инноваций способны изменять существующий социальный и правовой ландшафт [2].

Социально-правовое пространство уголовного права не является гомогенным, в нем рождаются и развиваются разнообразные топосы, характеризующиеся набором определенных свойств. Разнородные пространства, которые будто бы находятся рядом, но на самом деле разделены, пространства, выступающие друг для друга «иным местом» (*heteros* – иной, *topos* – место) с подвижными границами, построенными таким образом, чтобы формировать места, где параллельно существуют различные жизненные режимы, называются гетеротопиями.

Говоря о философском генезисе понятия «гетеротопия», невозможно не упомянуть М. Фуко [3]. По его мнению, гетеротопии – это не только и не столько географические пространства, сколько определенный тип мышления, согласно которому вещи (в философском смысле) все менее локализованы, а идеи не напоминают аксиомы, весь мир движется, меняется, ослабевают иерархии, усиливается значение контекста, смыслы формируются не по существу самих вещей, а по характеру связей между ними.

В этом значении человеческое достоинство является для уголовного права гетеротопией – пространством, мыслимым особым образом, где объединяются фрагменты разных миров, формируются контуры, которые придают уголовному праву чело-

веческое измерение, рождая смыслы и взаимодействия, построенные на ценностном статусе человека как человеческого существа независимо от его иных качеств. Попытке использовать в исследовательской практике в области уголовного права гетеротопию как рабочее понятие, способное представить новую модель видения человеческого достоинства как феномена, определяющего сущностные черты уголовного права, посвящена данная статья.

На первый взгляд, представляя собой довольно экзотическую зону теоретической рефлексии в уголовно-правовом поле, понятие «гетеротопия» тем не менее образует по крайней мере три плоскости интерпретации человеческого достоинства в уголовном праве:

1) фиксирует ось *нормативное – ненормативное* обращение с человеком для формирования уголовно-правовой политики;

2) определяет потенциал человеческого достоинства как инструмента для определения конкретных контуров, формирующих зонт защиты прав человека в области уголовно-правового регулирования;

3) позволяет обозначить тенденции развития современного дискурса о правах человека и человеческом достоинстве как их важнейшем источнике.

Масштабное распространение концепт «человеческое достоинство» получил после Второй мировой войны через так называемый негативный подход, когда он констатировался с помощью анализа ситуаций, в которых человеческое достоинство унижается. Во избежание повторения страшных деяний, противоречащих человеческому достоинству, данное понятие вошло во все базовые декларации и договоры о правах человека: Устав ООН (1945), Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Хельсинский заключительный акт ОБСЕ (1975), Хартию основных прав ЕС (2000).

Анализ исторического развития идеи о человеческом достоинстве связан с развитием понимания последнего как внутреннего ценностного статуса человека как человеческого существа независимо от других его свойств [4–7]. Главный смысл достоинства – уважение и признание человека как существа с особой ценностью, которую в равной мере разделяет каждый. Человек является оправданной целью конечного порядка для любых действий, целью в себе. Базис для развертывания идеи о человеческом достоинстве присутствует во многих социокультурных и религиозных контекстах, поэтому

рассматриваемое понятие стало тем гетеротопическим концептом, который присутствует в многочисленных размышлениях о ценностном статусе человека. Данный концепт существенно повлиял на нормативную перекалибровку в международном праве и развитие национальных правовых систем после Второй мировой войны. Задачей положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – Декларация), касающихся человеческого достоинства, была не столько защита конкретных нормативных прав, сколько развитие понимания смысла, ценности и систематического подхода к основаниям, в которых укоренены права человека.

Концепт «человеческое достоинство», будучи мощным источником развития права, вместе с тем содержит спорные аспекты, которые можно назвать парадоксом достоинства. Этот парадокс заключается в следующем: с одной стороны, существуют деяния, например рабство, пытки, определенные виды поведения, которые, безусловно, атакуют достоинство, приводят к его унижению или уничтожению, а с другой – достоинство является неотъемлемым свойством человека и присуще ему всегда, независимо от положений законодательства и социальных практик. Последний тезис вызывает следующий вопрос: если человека невозможно лишить достоинства, то в чем тогда заключается действенность правовых актов, призванных его защищать?

Основная часть

Топология международного права в вопросе защиты прав человека предусматривает универсализм. Однако это не просто функциональный универсализм, рождающийся через взаимосвязи, существующие в многоуровневых системах защиты прав человека, а универсализм аксиологический: различные национальные, наднациональные и международные механизмы защиты прав человека в этом функциональном взаимодействии рожают и обеспечивают нечто общее, выкристаллизовывают сходные точки зрения.

Эта аксиологическая парадигма допускает, что человеческое достоинство является источником не только жизненной силы индивидов, но и возрождения политических сообществ, которые хотят снова вернуться к лучшим образцам нормативного богатства в части защиты человечности после угнетения и несправедливости: от послевоенной Германии к конституционному восстановлению после апартеида в Южной Африке.

Универсальность человеческого достоинства дает возможность построить конкретное видение в более глобальный международный контекст и выйти за рамки локальной перспективы.

Размышления о ценностном статусе человека занимают центральное место в истории норматив-

Существование данного парадокса свидетельствует о том, что концептуальный анализ понятия «человеческое достоинство» должен связывать не только трансцендентное измерение последнего как ключевого атрибута человека, но и дополнительное понимание человеческого достоинства как воплощенного достоинства. В среде авторов, изучающих рассматриваемую проблематику, возникла идея различать изначальное (дескриптивное) и реализованное (прескриптивное) достоинство [8]. Эта объяснительная модель демонстрирует универсальность человеческого достоинства и его связь с условиями времени и пространства. Таким образом, вопрос об универсальности человеческого достоинства сталкивается с вопросом человеческого достоинства как продукта контекста. Исследователи подчеркивают недостаточность общего понимания значения концепта «человеческое достоинство», его контекстуальную специфичность, различия в толковании в отдельных юрисдикциях, риски юридических манипуляций и роста судебной дискреции в отношении данного понятия, но вместе с тем утверждают, что рассматриваемый концепт играет важную роль в развитии судебной практики по защите прав человека и способствует совершенствованию конкретных методов интерпретации прав человека и решению сложных правовых вопросов [9].

Эта сложная и порой противоречивая история является предпосылкой и матрицей для внедрения понятия «человеческое достоинство» в правовые системы. Цель концепции о человеческом достоинстве состоит в пробуждении уважения и признании человека существом с особой ценностью, которую в равной степени разделяет любой индивид. И. Кант в своем практическом императиве о том, что человека следует рассматривать как цель и никогда – как средство, установил, что иметь достоинство – значит быть выше любой возможной цены и не признавать эквивалентов. Человеческое достоинство – это восприятие людей как окончательных целей их намерений и действий.

Нормативным следствием подобного статуса является защита субъектного статуса людей, их способность стать авторами своей жизни, а значит, и своей автономии. Из этого вытекает запрет на инструментализацию и объективацию человека, запрет на отказ ему в субъектном статусе.

Право на человеческое достоинство устанавливает и охраняет определенные минимальные стандарты обращения с людьми, защищает субъектный статус человека, предусматривает гарантии его автономии и запрет на инструментализацию и объективацию.

Человеческое достоинство в пространстве уголовного права, фиксируя ось *нормативное – ненормативное* обращение с индивидом, обозначает недопустимые пределы воздействия властных субъектов на человеческую жизнь, позволяет формировать уголовно-правовую политику с учетом границ, которые государство не вправе пересекать и которые государством обязаны охраняться.

В плане формирования этих нормативных стандартов недопустимого обращения с человеком важную роль играет то, как глобальная рамка защиты прав человека была имплементирована на региональном уровне, в частности европейском.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ) была задумана как первый шаг в реализации прав, предусмотренных в Декларации; именно об этом говорится в преамбуле к ЕКПЧ. И хотя в Декларации подчеркивается, что все люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах, разработчики ЕКПЧ не использовали в тексте документа заявлений такого рода. Тем не менее важно понимать, что социокультурный контекст и реакция на варварства Второй мировой войны, безусловно, фоном имели восприятие идеи о защите прав человека как насущной необходимости выживания, а ЕКПЧ создавалась как глубоко прагматичный инструмент, основывающийся на Декларации и предлагающий конкретные практические ориентиры защиты установленных в ней ценностей. Именно такой подход позволил создать одну из наиболее эффективных и развитых систем защиты прав человека.

Впервые термин «достоинство» появился в тексте Протокола № 13 Европейской конвенции 2002 г. об отмене смертной казни, где отмечалось, что такая отмена является важной для полного признания человеческого достоинства. Таким образом, были закреплены принципы, сформировавшиеся и выкристаллизовавшиеся в названной конвенции. Протокол № 13 отразил европейский консенсус относительно того, что полное признание достоинства не совместимо с существованием смертной казни. Всеобъемлющий отказ от этого вида наказания явился нормативным стандартом, который государства – члены Совета Европы установили, опираясь на положение о том, что человеческое достоинство и свобода являются основными понятиями конвенции.

Дальнейшая эволюция норм Протокола № 13 Европейской конвенции 2002 г. об отмене смертной казни происходила сквозь призму идеи человеческого достоинства и установления нормативного стандарта обращения с человеком. Эта направленность прослеживается в решении Большой палаты Европейского суда по правам человека (далее –

ЕСПЧ) по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства»¹.

Рассмотрение данного дела в ЕСПЧ было инициировано тремя подданными Великобритании – Д. Винтером, Дж. Бамбером и П. Муром, которые были приговорены к пожизненному тюремному заключению за совершение особо тяжких преступлений.

Согласно законам Англии и Уэльса они могли быть выпущены на свободу исключительно на основаниях сочувствия (*compassionate grounds*), а право помилования по таким основаниям относится к полномочиям государственного министра. Заявители толковали свое наказание как отсутствие надежды на освобождение, что является бесчеловечным или унижающим достоинство по смыслу ст. 3 ЕКПЧ.

Суд установил, что, когда пожизненное тюремное заключение является пропорциональным совершенному преступлению, оно не нарушает ст. 3 ЕКПЧ. Вместе с тем Большая палата толкует положения данной статьи таким образом, что для соответствия ей решение о назначении пожизненного тюремного заключения в качестве меры наказания за совершенные преступления должно подразумевать реальную перспективу освобождения и возможность пересмотра решения, предоставляя тем самым шанс на сокращение срока наказания *de facto*. У лица, приговоренного к пожизненному заключению, во всех случаях должна оставаться надежда на освобождение, подкрепленная пересмотром данной меры наказания после определенного времени ее непосредственного исполнения, а единственным условием для освобождения должно быть отсутствие опасности со стороны данного лица для общества, т. е. изменения в поведении заключенного, свидетельствующие об отсутствии законных психологических оснований для дальнейшего лишения свободы и о его надлежащей реабилитации.

Судья Пауэр, проголосовавшая в этом решении с большинством, в особом совпадающем мнении добавила следующую аргументацию: «...статья 3 Конвенции охватывает то, что может быть описано как “право на надежду”... Надежда является важным конститутивным аспектом человека. Те, кто совершают отвратительные и страшные поступки и приносят неисчислимые страдания другим, тем не менее сохраняют свою фундаментальную человечность и несут в себе способность к изменениям. Приговоренные к длительным и заслуженным тюремным срокам, они должны сохранять право надеяться, что когда-то они смогут искупить ошибки, которые совершили. Они не должны быть полностью лишены такой надежды. Отказать им в опыте надежды – значит отрицать фундаментальный аспект

¹Case of Vinter and others v. UK of 9 July 2013. Application No. 66069/09, 130/10, 3896/10 [Electronic resource]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-122664%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-122664%22]}) (date of access: 01.07.2021).

их человечности, что может быть унижающим»² (здесь и далее перевод наш. – Е. Х.).

Говоря о взаимодействии международного и национального уровней праворегулирования, важно подчеркнуть, как международные стандарты обращения с человеком могут влиять на практику защиты его прав в национальном правовом поле. Так, в Украине базовым решением ЕСПЧ, необходимым для имплементации данных стандартов, является решение по делу «Петухов против Украины (№ 2)»³, где суд установил нарушение Украиной ст. 3 ЕКПЧ в связи с невозможностью оказания надлежащей медицинской помощи во время содержания под стражей, а также отсутствием реальной перспективы освобождения при отбывании наказания в виде пожизненного лишения свободы.

В данном решении ЕСПЧ подтвердил, что ЕКПЧ не запрещает назначать наказание в виде пожизненного лишения свободы лицам, признанным виновными в совершении особо тяжких преступлений, например в умышленном убийстве. Однако для того, чтобы это наказание соответствовало требованиям ст. 3 ЕКПЧ, необходимо наличие юридической и фактической возможности его смягчить. Это означает, что у осужденного должны быть шансы на досрочное освобождение, а также возможность проверки законности и обоснованности назначенного ему наказания. В частности, такая проверка должна включать в себя оценку наличия оснований пенитенциарного характера, оправдывающих дальнейшее пребывание в местах лишения свободы осужденного на пожизненное заключение. Среди таких оснований ЕСПЧ называет кару, устрашение, защиту общества и исправление преступника. Соотношение данных оснований необязательно является постоянным и в ходе отбывания наказания может меняться. Поэтому факторы, которые изначально оправдывали назначение лицу этого вида наказания, могут стать неактуальными с течением времени. ЕСПЧ подчеркивает важность исправления преступника, поскольку именно на реабилитации осужденных сейчас делается акцент в политике европейских стран по вопросам назначения наказаний. Эта политика находит отражение в практике государств-членов, стандартах, принятых Советом Европы по данному вопросу, и соответствующих международно-правовых актах. Магистральная линия юридической аргументации в обоснование такого подхода выстраивается вокруг тезиса о человеческом достоинстве.

Пожизненно осужденные в Украине могут рассчитывать на освобождение только в двух случаях: если они страдают от тяжелой болезни, несовместимой с содержанием под стражей, или если им даровано президентское помилование.

ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что прекращение пожизненного заключения в связи со смертельной болезнью означает лишь, что осужденным разрешено умереть дома или в хосписе, а не в стенах тюрьмы, и это нельзя считать «перспективой освобождения» в том смысле, в котором это понятие толкуется судом.

По мнению суда, порядок президентского помилования также не является достаточно прозрачным, и осужденные, которым выносятся пожизненные приговоры, с самого начала не знают, что они должны сделать для того, чтобы иметь право рассчитывать на освобождение и при каких условиях. Такой подход делает перспективу освобождения нереальной, не соответствует стандартам ЕКПЧ и представляет собой нарушение ст. 3 ЕКПЧ, обеспечивающей право на защиту от бесчеловечного и унижающего достоинство наказания или обращения.

Таким образом, нормативное измерение человеческого достоинства здесь заключается в том, что благодаря этому концепту устанавливается норма – базовая линия недопустимого обращения с людьми. Наказания, которые принято было считать нормальными, впоследствии становятся неприемлемыми.

Данное решение ЕСПЧ в отношении Украины вызвало волну общественно-политических и доктринальных дебатов, а также стало основанием для рассмотрения Большой палатой Верховного Суда Украины 8 июля 2020 г. дела по заявлению В. С. Петухова о пересмотре судебных решений, вынесенных в отношении него, по основаниям, установленным решением ЕСПЧ (заявление № 41216/13) по уже упомянутому делу «Петухов против Украины № 2» (о нарушении Украиной требований ст. 3 ЕКПЧ из-за отсутствия надлежащей медицинской помощи, доступной заявителю, во время содержания под стражей, а также в связи с тем, что наказание заявителя в виде пожизненного лишения свободы невозможно сократить).

Большая палата Верховного Суда Украины пришла к следующим выводам:

- пожизненное лишение свободы как пропорциональный и справедливый вид наказания за совершение тяжких преступлений не противоречит идее человеческого достоинства, которая лежит в основе ЕКПЧ, и не является нарушением ст. 3 названной конвенции;
- только несокращаемое пожизненное лишение свободы является нарушением ст. 3 ЕКПЧ;
- ст. 3 ЕКПЧ не нарушается в том случае, когда существует практически эффективный и нормативно определенный на национальном уровне механизм пересмотра наказания в виде пожизненного лишения свободы;

²Case of Vinter and others v. UK of 9 July 2013. Application No. 66069/09, 130/10, 3896/10 [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%22001-122664%22%5D%7D> (date of access: 01.07.2021).

³Case of Petukhov v. Ukraine (No. 2) of 12 March 2019. Application No. 41216/13 [Electronic resource]. URL: <https://laweuro.com/?p=1545> (date of access: 01.07.2021).

- механизм пересмотра наказания в виде пожизненного лишения свободы должен предоставлять национальным органам возможность оценить изменения в поведении пожизненно осужденного и констатировать такой прогресс, который не оправдывает продолжающееся содержание в изоляции.

Верховный Суд Украины подчеркнул, что в национальном законодательстве страны имеется существенный пробел в сфере урегулирования возможности освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Однако суд отметил, что заполнение пробелов в нормативно-правовых актах, принятие законов, внесение в них изменений и дополнений, согласование их положений между собой является прерогативой законодательной власти и не относится к полномочиям суда любой инстанции⁴. Таким образом, суд отказался в данном деле продемонстрировать активизм, столь необходимый в данной ситуации для имплементации в национальную правовую материю минимальных стандартов прав человека, установленных на международном уровне.

Однако влияние данных дебатов трудно недооценить, поскольку, безусловно, они влияют на формирование дискурса в данной области. Так, уже в проекте нового уголовного кодекса, над которым трудится рабочая группа национальных экспертов и ученых в области уголовного права при президенте Украины по вопросам правовой реформы, предложена модель пожизненного заключения, предусматривающая возможность освобождения от него⁵.

Что же касается Беларуси, то, несмотря на то что страна не является членом Совета Европы, международные стандарты прав человека не должны игнорироваться ее официальными институциями. К тому же внутри академического дискурса, как уже упоминалось, белорусские исследователи давно обращают внимание на концепцию о человеческом достоинстве и его роли в развитии общества и формировании социальных ценностей.

Гетеротопический потенциал человеческого достоинства как основного инструмента уголовного права для определения конкретных контуров, формирующих границы прав человека в области уголовно-правового регулирования, велик и разнообразен.

Нормы, о которых мы говорили выше, являются открытыми в том смысле, что они создают опреде-

ленный континуум, где достоинство может получать различные трактовки, установив базовую линию допустимого поведения в отношении обращения с человеком. Это значит, что ценностный универсальный смысл достоинства конкретизируется, воплощается через развитие практики судов и юридическую аргументацию. Таким образом, можно инструментально измерить человеческое достоинство как некое пространство толкования и наполнения практическими смыслами ценностных концепций.

Так, ст. 3 ЕКПЧ содержит абсолютный запрет на любое жестокое обращение с человеком (пытки, нечеловеческое, унижающее достоинство обращение или наказание) и не допускает никаких исключений, даже во время войны и чрезвычайного положения. Составители данного документа сразу исключили в этом вопросе возможность вынесения решения на усмотрение государства.

Однако градация смыслов внутри ст. 3 ЕКПЧ со временем эволюционировала.

К примеру, в межгосударственном деле «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г. ЕСПЧ изучал пять техник углубленного допроса, применению которых по отношению к предположительно ответственным за терроризм представителям группировки ИРА (Ирландской республиканской армии) обучали членов английского разведывательного центра: стояние напротив стены с руками над головой, одевание мешка на голову, пребывание под воздействием шума, лишение сна, лишение продуктов питания и питья. Суд решил, что в комбинации эти техники привели к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, однако их интенсивность не достигла порогового уровня умышленного бесчеловечного обращения, вызывающего серьезные и жестокие страдания, чтобы квалифицировать это как пытки⁶.

С течением времени и развитием представлений о человеческом достоинстве практика по ст. 3 ЕКПЧ претерпела изменения.

Ярким примером эволюции подходов ЕСПЧ называют известное дело о пощечине – «Буйд против Бельгии»⁷. В этом случае Большая палата Европейского суда основной массой голосов постановила, что даже простая пощечина, нанесенная сотрудником полиции задержанному, унижает его достоинство и нарушает права человека. Большинство в решении было обеспокоено тем, что национальные суды преуменьшали значение действий полиции и серьезность вопроса насилия, которому люди

⁴Постанова Великої палати Верховного Суду України від 8 липня 2020 № 13-87зв019 [Електронний ресурс]. URL: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/90411145> (дата звернення: 01.07.2021).

⁵Текст проекту нового кримінального кодексу [Електронний ресурс]. URL: <https://newcriminalcode.org.ua/criminal-code> (дата звернення: 01.07.2021).

⁶Case of Ireland v. the United Kingdom of 18 January 1978. Application No. 5310/71 [Electronic resource]. URL: <https://www.law.umich.edu/facultyhome/drwcasebook/Documents/Documents/Republic%20of%20Ireland%20v.%20United%20Kingdom.pdf> (date of access: 01.07.2021).

⁷Case of Bouyid v. Belgium of 28 September 2015. Application No. 23380/09 [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-157670%22%7D> (date of access: 01.07.2021).

подвергаются под стражей. Суд отметил, что пощечина, нанесенная сотрудником правоохранительных органов человеку, который полностью находится под его контролем, является серьезной атакой на достоинство личности, потому что шлепок по лицу влияет на ту часть тела, которой человек выражает индивидуальность, проявляет свою социальную идентичность. Пощечина в значительной степени влияет на получающего ее человека. Этого вполне достаточно, чтобы достоинство жертвы считалось униженным в смысле ст. 3 ЕКПЧ. Меньшинство судей в данном решении, никоим образом не одобряя действий полицейского, тем не менее задали вопрос о том, любое ли вмешательство является унижающим человеческое достоинство в смысле достижения порога защиты, которую предоставляет лицу ст. 3 ЕКПЧ. Эти же судьи высказали опасение, что суд может создать нереальные стандарты, делая требования минимального уровня жестокости лишены смысла.

Как видим, флуктуирующий процесс осмысления человеческого достоинства и его влияния на формирование повседневных практик взаимодействия в сфере уголовной юстиции представляет собой важную часть правового дискурса в области прав человека и требует повышенного внимания со стороны юридического сообщества.

Поскольку человеческое достоинство является краеугольным камнем современной архитектуры прав человека, пространство, формирующееся вокруг этого важнейшего источника, позволяет обозначить тенденции развития социального и правового диалога об этом важном предмете.

Так, например, сложная и длительная дискуссия сопровождает дела об эвтаназии, и весьма интересно, как суды работают с аргументом о человеческом достоинстве в этой области. В частности, одним из наиболее контroversионных и обсуждаемых стало рассмотренное ЕСПЧ дела «Претти против Соединенного Королевства»⁸.

Заявительница находилась в предсмертном состоянии. Она страдала прогрессирующим нейродегенеративным заболеванием моторных клеток центральной нервной системы. Не желая терпеть мучительные заключительные стадии этой болезни, боясь страданий и унижения, с которыми она столкнулась, и сохраняя способность принимать решения, миссис Претти хотела бы контролировать время и способ своей смерти, желая умереть достойно. Английские законы не считали преступлением самоубийство, однако помощь в осуществлении самоубийства была криминализована.

В силу своей болезни заявительница не могла самостоятельно совершить самоубийство. Она хотела, чтобы муж помог ей сделать это, и требовала от властей гарантий его освобождения от уголовной ответственности в данном случае. Отказ властей Д. Претти обжаловала в ЕСПЧ.

ЕСПЧ счел, что нарушения ст. 2 ЕКПЧ не было. Заявительница утверждала, что эта норма защищает не просто право на жизнь, но и вытекающее из него право умереть. Суд решил, что право на жизнь нельзя без искажения смысла истолковать таким образом, чтобы оно подразумевало диаметрально противоположное право, а именно право на смерть. ЕСПЧ подчеркнул, что ст. 2 может использоваться только для поощрения, а не для прекращения жизни. Что же касается предполагаемого нарушения ст. 3 ЕКПЧ, то, по мнению миссис Претти, у государства было обязательство защитить ее от обращения, причиняющего страдания, которые она должна была претерпеть, признав легитимность отказа о предоставлении гарантии неприкосновенности ее мужу. Суд установил отсутствие нарушения ст. 3 ЕКПЧ, поскольку в соответствии с данной конвенцией государства не обязаны разрешать действия, лишаящие человека жизни.

Вместе с тем прецедент по рассматриваемому делу просуществовал почти 20 лет, и за это время представления о достойной жизни и смерти претерпевали изменения. Здесь нельзя обойти вниманием решение Федерального конституционного суда Германии от 26 февраля 2020 г., которым он признал неконституционным положение уголовного кодекса, где предложение помощи в самоубийстве как профессиональной услуги считалось преступлением⁹.

Федеральный конституционный суд Германии отметил, что «с точки зрения человеческой личности решение о прекращении собственной жизни имеет важнейшее значение. <...> Для человека цель жизни, а также возможность и причины рассуждать о ее окончании подчиняются очень личным верованиям и убеждениям. Решение покончить жизнь самоубийством касается основных вопросов человеческого существования и связано с личностью и индивидуальностью этого человека, как никакое другое решение. <...> Самоопределенное распоряжение собственной жизнью является скорее прямым выражением идеи развития автономной личности, присущей человеческому достоинству; это выражение достоинства, хотя и последнее... [человек] отказывается от жизни в соответствии с собственными целями. Таким образом, достоинство челове-

⁸Case of Pretty v. United Kingdom of 29 April 2002. Application No. 2346/02 [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-60448%22%7D> (date of access: 01.07.2021).

⁹Judgment of 26 February 2020 – 2 BvR 2347/15 [Electronic resource]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/Shared-Docs/Entscheidungen/EN/2020/02/rs20200226_2bvr234715en.html;jsessionid=478F55411920A9F663515081FAEFC854.2_cid386 (date of access: 01.07.2021).

ка – это не предел его самоопределения, а причина для него: человек остается признанным как сознательная личность, как субъект, и его претензия на ценность и уважение сохраняется, только если он может определить свое существование по собственным самоопределенным стандартам. <...> Там, где защита жизни противоречит защите человеческой автономии, она оппонирует общепринятому пониманию общества, которое принимает человеческое достоинство за основу своей системы ценностей и, таким образом, обязуется уважать и защищать свободу человеческой личности как высшей ценности Конституции»¹⁰. И хотя суд подчеркнул, что государство по-прежнему вправе предпринимать меры по общему предупреждению самоубийств, в частности, работая над тем, чтобы сделать жизнь более терпимой, а самоубийство менее заманчивым, тем не менее оно не может улучшить качество жизни через отмену конституционного права на определение способа смерти. Статья уголовного

кодекса, по мнению суда, непропорционально ограничивала право на определение способа смерти, хотя цель данной нормы была легитимной, а способ пригодным. Однако необходимость наименее ограничительного средства, необходимого для достижения цели, в данном случае не была учтена. Суд подчеркнул, что уголовный запрет был явно несопоставимым. Криминализируя услуги по оказанию помощи в самоубийстве, законодательные органы сделали личную автономию в практическом смысле невозможной [10].

По-видимому, данный подход Федерального конституционного суда Германии хотя и является национальным, тем не менее формирует в правовом поле некоторую гетеротопию, где размышление о человеческом достоинстве приобретает новое правовое звучание и, несомненно, является эластичным пространством, где зарождаются новые стандарты прав человека, которые в будущем могут быть приняты в качестве международных.

Заключение

Человеческое достоинство как особым образом мыслимое пространство, способное формировать контуры, придающие уголовному праву человеческое измерение через опору на ценностный статус человека как человеческого существа, независимо от иных его качеств, является в теории и на практике гетеротопической моделью, способной представить новое видение сущностных черт и тенденций развития уголовного права.

Человеческое достоинство как гетеротопия уголовного права предлагает по крайней мере три плоскости интерпретации, в которых феномен

достоинства формирует мощные магистрали развития: фиксирует ось *нормативное – ненормативное* обращение с человеком для конструирования уголовно-правовой политики, определяет инструментальный потенциал влияния на определение конкретных контуров защиты прав человека в области уголовно-правового регулирования, позволяет наметить тенденции развития современного дискурса о правах человека. Человеческое достоинство имеет не только стабилизирующую, но и побудительную силу, столь важную для социальных изменений.

Библиографические ссылки

1. Горелик ИИ. *Правовые аспекты пересадки органов и тканей*. Минск: Вышэйшая школа; 1971. 90 с.
2. Мороз ДГ. Научное наследие профессора И. С. Тишкевича в развитии уголовно-правовой доктрины и законодательства о преступлениях против собственности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;3:21–29.
3. Foucault M. Of other spaces: utopias and heterotopias [Internet; cited 2021 July 7]. Available from: <https://web.mit.edu/allanmc/www/foucault1.pdf>.
4. Бориславська ОМ. *Європейська модель конституціоналізму: системно-аксіологічний аналіз*. Харків: Право; 2018. 384 с.
5. Водяніков О. Генеалогія поняття людської гідності у конституційному праві. *Право України*. 2018;9:41–56. DOI: 10.33498/louu-2018-09-041.
6. Гришук О. Філософія людської гідності у праві. *Право України*. 2018;9:14–28. DOI: 10.33498/louu-2018-09-014.
7. Савчин МВ. Людська гідність та структура конституційного порядку. У: Івановська АМ, редактор. *Людська гідність і права людини як основа конституційного устрою держави: збірник тез Міжнародної науково-практичної конференції «Людська гідність і права людини як основа конституційного устрою держави»; 19–20 жовтня 2018 р.; Хмельницький, Україна*. Хмельницький: Хмельницький університет управління та права; 2018. с. 274–278.
8. Kleindienst P. Understanding the different dimensions of human dignity: analysis of the decision of the constitutional court of the Republic of Slovenia on the «Tito Street» case. *Law and Economics Review*. 2017;8(3):117–137. DOI: 10.1515/danb-2017-0009.

¹⁰Judgment of 26 February 2020 – 2 BvR 2347/15 [Electronic resource]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/Shared-Docs/Entscheidungen/EN/2020/02/rs20200226_2bvr234715en.html;jsessionid=478F55411920A9F663515081FAEFC854.2_cid386 (date of access: 01.07.2021).

9. McCrudden C. Human dignity and judicial interpretation on human rights. *The European Journal of International Law*. 2008;19(4):655–724. DOI: 10.1093/ejil/chn043.

10. Collings J. The German Constitutional Court and the right to end life [Internet; cited 2021 July 7]. Available from: <https://talkabout.iclrs.org/2020/05/26/the-german-constitutional-court-and-the-right-to-end-life/>.

References

1. Gorelik II. *Pravovye aspekty peresadki organov i tkanei* [Legal aspects of organ and tissue transplantation]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 1971. 90 p. Russian.

2. Moroz DG. Scientific heritage of professor I. S. Tishkevich in development of the criminal-legal doctrine and legislation about crimes against ownership. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;3:21–29. Russian.

3. Foucault M. Of other spaces: utopias and heterotopias [Internet; cited 2021 July 7]. Available from: <https://web.mit.edu/allanmc/www/foucault1.pdf>.

4. Borislavs'ka OM. *Jevropejs'ka model' konstitucionalizmu: systemno-aksiologichnyj analiz* [European model of constitutionalism: system-axiological analysis]. Kharkiv: Pravo; 2018. 384 p. Ukrainian.

5. Vodyannikov O. Genealogy of the human dignity concept in constitutional law. *Law of Ukraine*. 2018;9:41–56. Ukrainian. DOI: 10.33498/louu-2018-09-041.

6. Grishchuk O. Philosophy of human dignity in law. *Law of Ukraine*. 2018;9:14–28. Ukrainian. DOI: 10.33498/louu-2018-09-014.

7. Savchin MV. [Human dignity and the structure of the constitutional order]. In: Ivanovs'ka AM, editor. *Ljuds'ka gidnist' i prava ljudyny jak osnova konstitucijnogo ustroju derzhavy: zbirnyk tez Mizhnarodnoi' naukovo-praktychnoi' konferencii' «Ljuds'ka gidnist' i prava ljudyny jak osnova konstitucijnogo ustroju derzhavy»; 19–20 zhovtnja 2018 r.; Hmel'nyč'kyj, Ukrai'na* [Human dignity and human rights as the basis of the constitutional system of the state: a collection of abstracts of the International scientific-practical conference «Human dignity and human rights as the basis of the constitutional system of the state»; 2018 October 19–20; Khmelnytsky, Ukraine]. Khmelnytsky: Khmelnytsky University of Management and Law; 2018. p. 274–278. Ukrainian.

8. Kleindienst P. Understanding the different dimensions of human dignity: analysis of the decision of the constitutional court of the Republic of Slovenia on the «Tito Street» case. *Law and Economics Review*. 2017;8(3):117–137. DOI: 10.1515/danb-2017-0009.

9. McCrudden C. Human dignity and judicial interpretation on human rights. *The European Journal of International Law*. 2008;19(4):655–724. DOI: 10.1093/ejil/chn043.

10. Collings J. The German Constitutional Court and the right to end life [Internet; cited 2021 July 7]. Available from: <https://talkabout.iclrs.org/2020/05/26/the-german-constitutional-court-and-the-right-to-end-life/>.

Статья поступила в редколлегию 02.07.2021.
Received by editorial board 02.07.2021.